Апрель (книга 3)

Сергей Семёнович Петренко

SHOUT
SHARE
IT

- АПРЕЛЬ
  -
  - часть 3 Белый корабль

АПРЕЛЬ

(предварительная редакция)
(адаптированная версия)
Сергей Петренко
Страничка автора: http://samlib.ru/p/petrenko_s_s/

часть 3 Белый корабль

— Это чего такое?

— Май у меня сохраняется. Майские запахи.

— Чудные... А это какие листья? Пахучие...

— Ага, не догадаешься! Обыкновенные листочки, только-только распустились — а я сорвала, эти с яблони, а эти, которые совсем меленькие, скрученные — грушевые, это вот тёрн, это — боярышник, а эти — большие, зеленые — черёмуха, уже в горячие дни брала, когда масляника запахом с ног бьёт.

— Да листья никогда так и не пахли...

— А нужно дать им пустить сок, подвялить и только потом засушить.

— Ты их заваривать будешь, как чай?

— Ага, но зимой.

Водяник покачал головой, как делал его дедушка — и всем всегда непонятно было, одобряет старик Хлюпастый собеседника или осуждает.

Дзынь такая странная у себя дома! Будто дама из книжек. И говорит тихо, когда почти торжественно, и ходит прямо, и даже глаз косить перестал. Дом у неё крохотный, с одной стороны холм, с другой — большое дерево, укрывает кроной и дом, и половину дворика. С третьей стороны ручей. С чётвертой — непролазные кусты. Ежевика, тёрн. А за ними — овраг.

А самое удивительное в её доме — это Картина! Волшебная Картина волшебной Страны. Холст не такой уж большой — не больше окна. Но если встать перед ним и смотреть, замерев... картина распахивается, и ты летишь в тёмном небе, над высокими, тонкими башнями к сияющему огнями заливу...

Больше всего водянику хотелось спросить, откуда у Дзынь такая картина? Он не решился.

— Через час гроза, — сказала Дзынь. — Пойдём, в траве поваляемся.

Высокая, густая, трава скрыла от них весь прочий мир, отделила даже друг от друга — только трава — и небо.

— Если испугаешься — протяни руку, — сказала ведьмучка. — Я рядом.

Вчера на закате Брэндли видел Небесную Страну. Большие дождевые тучи торопливо разлетались, освобождая запад. Небо несколько раз сменило цвет, словно отыграв увертюру, а затем... появились Острова. Они были очень далеко, Брэндли не сразу это понял, а когда понял — захватило дух. До них были тысячи вёрст,

даже голова кружилась, как далеко! А видно всё было чётко-чётко. Небо стало как будто морем. Облака-острова спускались в сияющие заливы отлогими серебристыми отмелями или обрывались тёмными кручами. На Островах были холмы и долины. А самый главный остров — оказался увенчан дивным дворцом, окружённым лесом. Холм с дворцом окружали высокие деревья с белыми кронами.

Теперь я всегда буду тосковать по Небесной Стране, подумал Брэндли.

* * *

Так хочется спать!

Только пытаешься раздвинуть занавесы — тяжёлые, цветные, в бессчётных узорах — сны вспархивают с них и носятся пёстрой стайкой мотыльков. Если бы хватило сил вглядеться, увидел — рисунки на занавесах такие мелкие, что изучай их хоть в самую сильную линзу — прихотливым плетениям сюжетов и образов нет границ.

Я всё-таки открыл глаза. Вспомнил мотыльков. Настоящих. Вспомнил, как шагал по опушке леса, по краю балки. Цветочное море волнами запахов сводило с ума. То горячие, то прохладные, то свежие, то дурманные, сладкие и горькие, медовые и душно-пряные... Белая и жёлтая кашка, лиловый и розовый чабрец, серебристые облака ковыля, роскошная мальва, причудливо свитые в шарики пушистые нити незнакомых цветов — снизу их, как ладошки, обхватили два острых лепестка. И множество ярко синих и алых звёздочек и колокольчиков...

Из-под ног при каждом шаге срываются и несутся трепещущим облачком жёлтые, сизые, синие мотыльки.

Как мои сны.

Здесь, на краю леса, встретил её... Сколько лет назад? Может, три, а может, и все пять? Нимо улетел один, куда-то на Север. Не признался даже мне, зачем. Улыбался загадочно. Это подарок будет, так надо. Так делали на Островах...

А я остался с Бродягами. И сразу сильно заскучал. Хорошо, Нимо хоть предупредил, что меня тоже без дела не оставят.

Мы прилетели в Долину Цветов первый раз втроём на полуразбитом бурями плотике Бродяг. Древний Кивач и Филька остались на берегу речки. Кивач сказал, чтобы я сначала сходил в Долину один. Я удивился, но возражать не стал.

Шёл долго краем балки. Восточный ветер дул слева, нёс запахи трав из прохладного оврага и лугов за ним. Далеко-далеко

я мог различить край неба со странными, синими, как лепестки колокольчиков, облаками. В те дни я уже почти не видел, брёл осторожно, опасаясь рытвин, кочек или колючих кустов.

Солнце жгло, но и ветер летел сильный и ровный. Земли я не различал и, попав однажды в яркую, тугую волну запахов, словно перестал чувствовать твердь под ногами...

Я вздрогнул — как будто очутился на краю пропасти со своей старой чудесной летучкой. Прыгнуть и полететь... Кожа покрылась пупырышками, я погладил локти, колени, бёдра... вспоминая. Потом скинул одежду, бросил в траву.

Шёл, купаясь в щекочущих касаниях травинок, в запахах... Чудилось — бесконечно долго, но, наверно, не дольше четверти часа.

И был этот запах, прохладный, с иглами льда, пронзительный, и я обхватил плечи, но озноб схлынул почти мгновенно, я перестал чувствовать тепло и холод, воспринимал только ароматы и пушистую ласку травы, а тело растворилось и стало ветром.

А затем разом вспыхнули все краски.

И больше всего — зелёного и голубого, и первое, что я подумал — никогда не устану смотреть на небо и траву!

И я стоял и смотрел — долго. И вдруг испугался — волшебство кончится, а я так и не успею побегать. По-настоящему.

Я бежал. Я отвык бегать, один раз упал, запнувшись, но боль мгновенно ушла — я стряхнул её, точно муху с плеча.

Я захотел войти в лес и рассмотреть деревья. И тогда увидел...

Она улыбалась. Встала между двумя стройными деревцами, точно распахнула двери в лесной дом. Платье — из синих паутинок и искрящейся росы. Чуть прищуришься — кажется, смотришь на крошечную прогалинку в лесу, на которую выплеснулись ярким, озорным язычком васильки в сверкающих после дождя нитях.

Финетта — девочка из Долины Цветов.

Она улыбалась, разглядывая меня всего, а я, хоть и смутился отчаянно, не убежал, как будто знал уже, что именно Финетта разгадает тайну...

— Что с тобой? — спросила. — Ты как минуту назад родился!

— Глаза. Я же почти ничего не видел. Давно.

Она обошла меня, обхватила руками, прижав ладони к глазам. И вся оказалась прохладной и дышала какими-то лесными ароматами — может быть, цветущей липой...

— Тебе повезло. Это распустились фирелли. Очень редкие

цветы. А я как раз шла на них посмотреть. Мы не собираем с них ни пыльцу, ни лепестки. В лепестках фирелли слишком нежная краска, а свойства пыльцы не сохранишь дольше часа или двух.

* * *

...Заскрипели снасти, корпус корабля вздохнул, как человек, потягивающийся после сна.

Просыпаюсь — и непривычно, что "Бабочку" веду не я. Столько раз мы засыпали и просыпались с ней вместе, в полёте чувствуешь такелаж так, словно это ты сам широко раскинул руки, то напряжённый, то расслабленный, купаясь в потоках ветра.

Сколько времени прошло, а случается, утром вместе с радостью окатывает прохладный страх. Что всё было не взаправду. Что он мне приснился... И дразню себя, не бегу на палубу сразу, и жду, чтобы напиться мелодиями, которыми корабль перекликается с ветром, с другим своим ветряным магом. Нимо...

Его мелодии не такие, как мои. Он их как-то иначе чувствует, что ли. Будто не замечает вовсе. Из них невозможно выловить тона, и даже неясно, корабль это звучит или что-то другое, большое, такое, как само небо. Нимо не отдаёт команд, и желаний его нельзя различить — он просто летит. Летит, куда и как захочет, а корабль превращается в его глаза, в его руки...

* * *

...Я проснулся среди ночи от волны холодной свежести. Налетел ветер, смыл душную неподвижность. Наш дом будто качался под его порывами. На минуту сами собой закрылись глаза, стало страшно — домик раскачивался всё сильнее на вершине одинокой скалы...

Я снова очнулся, окончательно. Вспомнились истории о Бродягах. Вспомнилось, как мечтал сам превратиться в такое вот странное существо, дом которого сегодня притулился у городской стены Скальной столицы — а на следующую ночь скользит в лунном свете над чёрной гладью лесного озера, чтобы ещё через сутки замереть на карнизе над пропастью неприступных гор. А спать можно когда угодно, по желанию, чтобы не пропустить самое интересное — рассвет над заливом или огромную луну холодных северных холмов, или слепой ливень и бешеную грозу над многоярусным лесом Телемаа...

А главное — вспомнил, что эта ночь — последняя в старом моём доме, где прожил всю коротенькую прежнюю жизнь с

бабушкой и дедушкой. Вот рёва... сижу — а вода так и течёт по щекам... И не случилось же ничего плохого, наоборот — только замечательное... И дом никуда не денется, и бабушка с дедушкой в нём остаются, и я могу приходить, когда захочу, и вот так же спать на этом самом диванчике...

Только что-то подсказывает — всё изменится теперь гораздо сильнее, чем я могу представить. Время рванётся, как освобождённая пружина. И прошлое стремительно будет улетать куда-то во мглу, оставляя след несвершённых возможностей... и неизбывную тоску по иному выбору.

Но ничего уже не изменить. Потому что утром ждёт меня Нимо...

...Он тихо засмеялся, когда я рассказал про летучку.

— Мы делали её для тебя. Так долго и тщательно, наверное, не делалась ещё ни одна летучка на свете.

...Ветер просто взъярился! И это внизу, почти у самого подножия Холма. А что творится на вершине? Что чувствует Нимо? Не страшно ему там, в башне?

Я понял, что не смогу ждать утра. Бабушка с дедушкой уже всё знают — на самом деле, они знали многое ещё раньше, с самого начала... Конечно, они расстроятся, что я не попрощался, но расставание — это невыносимо ужасно, и я ухожу ненадолго, буду возвращаться почти каждый день.

Самое главное — написать такую записку...

И когда она была готова, когда я в третий или четвёртый раз перечитал, гадая, что же такое важное забыл написать... Он постучал в окно.

— Залезешь? Давай руку!

Он помотал головой.

— Нет. Боюсь. Мне нехорошо, что я тебя увожу...

Опять эта вода в глазах, бесы болотные! Я прыгнул к нему. Нарочно не взял ничего из вещей.

— Я уже написал записку. Будто знал... Ты пришёл... что-нибудь случилось?

— Да. Но хорошее. Они прилетели на грозе... а до рассвета хотят убраться из города, чтобы люди не сплетничали.

— Бродяги?! — захватило дух. — А что им сплетни? И всё равно кто-нибудь увидит.

— Ну, так это ночью. Ночью вроде как пускай видят, всё по легендам...

Ночные улицы светятся, будто камни домов и мостовая — это соты, наполненные особенным, лунным мёдом. Мёд истекает,

сочится отовсюду золотистым сиянием. Я остановился, мазнул по арке моста кончиками пальцев — вдруг и правда лунный мёд останется на них?

Нимо как-то по-птичьи замер — попытался угадать, что я сделал? Я не сдержался, дотронулся ладонью до его щеки. Фыркнул. Нимо сперва улыбнулся, потом тоже протянул ладонь. Я закрыл глаза.

— Давай побежим! — выдохнул он. — Я сто лет не бегал.

— А... как ты...

Он сжал мою ладонь:

— Я буду твоим ветром! — И засмеялся.

Как мы бежали! Кажется, ни разу так не бегал — вверх и вверх, но будто и вправду ветер поднимал нас, так, что я даже оглянулся — на самом деле мы бежим к вершине, или что-то неладное творится с дорогой?

Остановились. Нимо вскинул лицо, повернулся на пятке, будто оглядывался. Глаза его были широко раскрыты.

— Что, Нимо?

— Просто. Здорово...

— А я забыл летучку. Растяпа... Возвращаться?

— Да не нужно. Сегодня обойдёмся, а можем взять в башнях другую.

Во дворе башни горел костёр. А возле него, спиною к калитке замерла тёмная, согнутая фигурка. Я нерешительно стал, сжал пальцы Нимо — спрашивать боязно, вдруг услышит.

Нимо потянулся вперёд, будто принюхался.

— Это Филька. Кивач, наверно, с Ниньо.

Фигурка шевельнулась, чуть повернула голову. Огонь точно сдвинулся в сторону, осветил её — Филька оказалась девчонкой. Как я это понял — неясно, Филька с ног до головы куталась в мешковатую холстину, короткие волосы торчали во все стороны.

Бродяги казались мне тогда самыми загадочными существами в мире. Даже волшебный Нимо, последний ветряной маг со сказочных Островов — он вот он, настоящий и тёплый, его пальцы чуть дрогнули, точно в ответ на мои мысли. И не верится, что всего неделю назад я понятия не имел, что Нимо существует на свете. Проще думать, будто он невидимкой сопровождал меня во всех играх и снах. Может, он подглядывал за мною в какой-нибудь магический кристалл? Он знал обо мне... давно. Спросить? Только, конечно, не теперь...

Филька разглядывала меня долго и подозрительно. Лицо у неё и верно какое-то совиное — высоко поднятые, изогнутые

брови, и глаза в отсветах костра почти круглые.

— Интересно, — сказала она хрипло.

О Бродягах рассказал мне Нимо. В ту же ночь, когда перед рассветом мы забрались на плот. С виду самый обычный, десяток тяжеленных на вид плах и на них шалаш. Наши плоты, правда, делают из кругляша, а тут брёвна распилены и как-то очень аккуратно обтёсаны. Я украдкой поколупал одно — твердокаменное, наверно, морёное!

Филька унесла в шалаш тюки с товаром: иголки-нитки всякие, хозяйственная мелочь для своих. Да стопку книг в кожаном мешке — Филька, оказывается, и сама любила истории всякие, и другие Бродяги почитать были не прочь.

— Бродяги — это наш народ, с Островов.

Мы с Нимо уселись на краю плота. В шалашике светился огонёк: Филька "обнюхивала" добычу — книги. Кивач, наверное, спал.

— После Волны уцелели немногие. На Совете, если не путаю, говорили, что за Большой круг отвели около ста двадцати кораблей. Половина из них — воздушные, да ещё кто-то захотел снарядить лодки сам — чтобы взять скарба побольше. На обычные корабли взяли по сто пятьдесят человек, считая двоих детей до четырнадцати лет за одного взрослого. На воздушные — от семидесяти до ста. Считалось, что загрузка вполне терпимая... Да только недооценили, какой силы будет удар Волны...

Из тех, что пошли морем, нашего берега не достиг никто. Впрочем, я слышал, будто часть кораблей направились на Запад — но мы не знали, есть ли там какая-нибудь земля. Даже в самых древних книгах — никаких внятных свидетельств.

Сколько кораблей уцелело — неизвестно. Потому что выжившие разделились. Одни собрались вместе, чтобы решить, как быть дальше, их оказалось тысячи полторы. Избрали новый Совет, расселились по городам под видом беженцев с Севера, потому что на Совете решили держать в тайне, откуда мы на самом деле, чтобы местные не озлобились и не стали мстить — ведь это наши Золотые разбудили Огонь, породивший Волну.

Больше всего людей с Островов осталось в Скальной столице. Там же собирался и Совет, тайно. Вначале прятали уцелевшие корабли, боялись, что местные узнают правду. На них стали летать снова только когда с предгорий потянулись добытчики с обломками. Сперва обломки считались просто диковинками, потом узнали их летучие свойства, и местные построили первые "новоделы". Летать-то мы летали, да совсем не так, как на Островах. Истинных ветряных магов почти не осталось — кто-то погиб, двое, говорят, сошли с ума от безумия стихии... Уцелели я

и ещё четверо, принимавших лебеа. Я в то время вообще ничего знал о них. Другие очень скоро перестали видеть, и что с ними стало потом — Троготт так и не признался. Он не глава нового Совета, но я подозреваю — тайно манипулирует им. Я подозреваю... — Нимо замолчал, будто поперхнувшись. — Странно, что у меня тогда оказался запас стэнции на много лет, а у других она быстро закончилась.

Нимо стискивал мою ладонь. Я опустил взгляд, от неподвижных, чуть мерцающих звёзд — к земле. Горизонт надвигался на нас пугающе стремительно. Мир поворачивался, словно вал шарманки, покачивался, и мне стало страшно, лунный свет на миг исказил видимое, тёмное сделалось светлым, и наоборот, как на картинках мастера светописи Керентари...

Удивительно, что ветер не рвал нам волосы и рубахи. Он был лёгким, каким-то... будто растворяющим в себе, протекал сквозь тело, оставляя приятное покалывание, как от пузырьков ледяного кваса на языке.

Нимо повернулся ко мне. Глаза его были прищурены, казалось, он вглядывается вдаль. И тут он опомнился, вздрогнул, разжал ладонь. Горячая волна воздуха, поднимавшегося с холмов, окатила нас. Ветер, на котором мы летели, умчался вверх, а плот заскользил со скоростью лошади, бегущей рысью.

Я мучился, не знал, что сказать Нимо. Обычные слова, что он не виноват, даже если подозрения верны... Но для Нимо нужны слова другие, особенные. Такие, которых он ещё не повторял себе сам тысячу раз за эти времена. Я должен их найти, раз уж выпало такое волшебное счастье — летать с ним, самым волшебным мальчиком на свете...

Но я не успел.

— Прости, — сказал Нимо. — Я первый раз это рассказываю, потому и раскис. Когда думал о тебе, обещал, что не стану сразу вываливать всякие страсти... а вот взял и выговорился! — Он улыбнулся. — Считается, мы, Ветряные, не умеем дружить. Слишком упиваемся своими переживаниями Воздуха, полёта. И мало замечаем, что творится с другими людьми. Поэтому я боялся... в тот раз, в саду. И сейчас. И раньше. Нормальный человек за такое огромное время подумал бы обо всём. И о том, куда подевались остальные ветряные маги, и что происходит с запасами стэнции, и ещё о многих, многих других вещах. У меня ведь была тысяча поводов насторожиться. Теперь даже непонятно — на самом деле я такой раззява, или все эти мысли приходили в голову и раньше, да я отмахивался, откладывал трудные и неприятные загадки "на потом"? А в конце концов вместо того, чтобы разрубить узел — взял да и сбежал к

Бродягам.

Бродягами стали те, кого Волною забросило за Костяной хребет. Их разбросало по лесам и скалам, корабли почти все разбились, и восстановить хотя бы один так, чтобы он по-прежнему мог чувствовать воздух и ветряного мага — не сумели. Там, за Хребтом, людей встретить трудно, редкие охотники за диковинными зверями и горными самоцветами да полудикие племена, городов нет и в помине, нет ни мастерских, ни езжих дорог. Кто выжил — долго скитались, переделав остатки кораблей в "летучие дома" и плоты. Летают они, конечно, еле-еле, и самые первые могли подняться в воздух только с холма, при ветре. Но и то хорошо, иначе Бродяги просто не выжили бы.

Позже кто-то из них с помощью пещерных шаманов усилил летучие свойства тэллио. Если я верно понял, их заклинания дали частям кораблей снова "почувствовать" себя единым целым, тем, что когда-то летало и жило ветром.

И "дома" и плотики Бродяг поднимались в воздух даже при тихой погоде и без ветряных магов. Правда, кое без чего им всё-таки не обойтись — этакая путевая песенка, для постороннего она прозвучит то ли гудением, то ли свистом, то ли бормотанием — словно ветер играет в снастях...

Бродяги решили скрываться от людей. Не только от жителей королевства, но и от нас, тех, кто прижился на побережье. Они хотели оставаться самими собой, а если бы смешались с местными — скоро исчезли бы, лишились остатков тэллио и надежд на возвращение. Нас они избегали, потому что считали Совет и магов виновниками катастрофы. Они не хотели быть втянутыми в новые интриги нового Совета, не желали больше жить по указке магов. Вот так они и стали таинственными и скрытными Бродягами. — Нимо грустно улыбнулся.

— А ты? Они же приняли тебя...

— Наверно, просто пожалели. Во-первых. Я сам тогда стал почти бродягой — убегал в отчаянии куда глаза глядят. Во-вторых, в то время у них ещё не получалось по-настоящему летать на обломках тэллио, а во мне они увидели как будто осколок давней, потерянной светлой жизни — с Небом и Воздухом. Ну... и самое главное... наверное, они поверили мне... поверили, что я не собираюсь указывать им, как жить, выдавать их тайны Совету или людям из королевства. Ветряные маги всегда чурались власти и интриг, и Бродяги помнят это.

Давно растаяли позади последние огоньки городов. Лесистые холмы внизу темнели жутко и недоступно, а мне хотелось опуститься ниже, лететь над самыми верхушками древних дубов и

сосен, трогать пятками ветки, заглядывать в чёрные двери таинственных троп.

В другой раз — непременно! — подумал я. Когда мы с Нимо останемся вдвоём, улетим в леса на много-много дней!

Небо светлело, начинался рассвет, а мы летели почти прямо в его середину. Путь к солнцу загораживали высоченные гряды гор. Леса внезапно кончились, скалы чернели неприступно, а ещё дальше и выше они седели от снега и льда. Внизу под нами сгустился туман, перекатывался волнами, порою дотягивался до плотика, и мои ноги исчезали в белесом киселе так, точно их и не было вовсе. Я наклонялся и черпал туман горстью...

— Дай мне! — смеялся Нимо. Я подносил к его губам хлопья тумана, он делал вид, будто пьёт — или правда пил их. Глаза его сияли.

— Скоро прилетим.

— А... где?

— Ещё чуть-чуть. Увидишь!

Он снова сжал мне ладонь — горная стена распалась на две, впереди открылась Чёрная Щель — легендарное ущелье, о котором я слышал сказки и истории, но не помнил, чтобы кто-нибудь из живущих бывал возле неё. Дорога к Щели была неизвестна штурманам воздушных кораблей, её не наносили на карты, а увидеть само ущелье можно было, лишь очутившись рядом.

Сердце заколотилось, как сумасшедшее, и куда-то делось — плот нырнул в Щель, тишина надавила, чёрные отвесные скалы слева и справа, впереди и сзади, внизу и вверху... И вдруг — прямо в лицо вспыхнуло встающее солнце!

Отражённое от мириад кристаллов льда, окружённое сияющими полями тумана.

Я обнял Нимо — как же хотелось, чтобы он видел!

Он улыбнулся:

— Я вижу, Аль. ЭТО я вижу.

Позади на цыпочках, раскинув руки, стояла Филька. Она показалась мне птицей, странной и небывалой, длинноногой, заколдованной... Птица, превращённая в девочку... или даже не птица — какое-то другое создание, из дальних-предальних краёв, о котором у нас не придумали и сказки.

Древний Кивач тоже выбрался из шалаша и монотонно качал большой головой.

* * *

Домики Бродяг почти всегда маленькие. Но в них не тесно —

у Бродяг мало мебели, и вещи только самые необходимые. То, что может потребоваться в любой момент. Ни запасов еды, ни лишней одежды. Не говоря уже обо всяких там коврах, столах или стульях. Спят они в гамаках, на полу или на низких полках у стен. Запасы у них имеются, но прихованы в тайниках — пещерах, лесных землянках.

— Большой дом летать будет, да бедово. Налетит шквал, гроза — беда! — говорил Порень. — Тогда с ним сладу нет, понесёт неуклюжего как траву перекати-поле.

В оконных рамах среди стёкол вставлены зеркала — блеском сигналы подавать. Домик будто оживает, чуть вздрагивая, когда встаёшь на порожек: вместо фундамента под полом — гнутые планки, чтобы мягче касаться земли. Раньше дома строили прямо на плотах, без всяких смягчителей. Старики по-прежнему в них живут, не любят, когда дом "шевелится". Ворчат: "ежели летишь, так лети, а стоишь — так стой!"

Горная долина прячется в тумане. Он плотный, верхняя граница сияет под солнцем, и кое-где из тумана торчат скальные пики. Разглядеть домики непросто, я заметил только два, и те по блеску зеркал. Нимо говорит, их тут не меньше десяти — одни возвращаются из странствий, другие снимаются с места, отправляются в неизведанные края. Но есть и такие, которые не отрывались от земли много-много лет. "Приросли", как сами Бродяги шутят.

— Ты чувствуешь? — тихо спросил Нимо. — Они все там, внизу, в тумане.

— Кто — "они"?

— Дети. Катаются на "летучках" со скал.

— В тумане?! — Я передёрнулся. — Ни за что не решился бы... Ведь там же... ничего не видно.

— Ниже туман не такой сплошной, как кажется. И воздух от капелек воды становится гуще, летучки движутся в нём чуть-чуть иначе — ты легко поворачиваешь, доска слушается мгновенно. Небольшие трещины и уступы не опасны, воздух тебя как бы сам отталкивает, главное — смотреть внимательно, держать в голове примерную картинку того места, где летишь.

— Держать в голове! — фыркнул я. — Всё равно — они тут все сумасшедшие.

Нимо виновато улыбнулся. Я почуял неладное, оглянулся на Фильку — она возилась с неуклюжей на вид, грубо обструганной летучкой. В её летучку были вдеты кожаные петли для ног — вроде как на лыжах. А ещё — там были углубления — тоже по форме ступни.

— У нас Городе так не делают...

— Ну да, — откликнулась Филька. — У вас в Городе с летучками бегают с холма. А у нас на них летают. Иногда — вверх тормашками. — Филька вынула из кармана какую-то хитрую штуковину, вроде колёсика с петлёй, на колёсике была намотана бечёвка. Один конец бечёвки прицепила к летучке крошечным карабином. Встав на летучку, Филька размотала бечёвку, пока та не натянулась.

— Готово. Держи.

Я решил, будто она мне предлагает. Сердце ёкнуло — она что, думает, я туда прыгну?!

— Аль, я недолго, — шепнул Нимо. Стремительно шагнул к летучке — и исчез, метнулся в туман, легко и бесшумно, словно солнечный зайчик.

— Нимо... — Я подбежал к краю. Колени тряслись.

— Не дури. — Филька дёрнула меня за локоть. — Ему эта летучка на фиг не нужна, он же тут всех летать учил. Уже тогда почти не видел ничего. Просто не хочет, чтоб малышня завидовала и сама без летучки сигать пробовала. Счас, окунётся в туман, воздухом ущелий подышит — и назад. Соскучился...

Увидев однажды закат в Авалиндэ — навсегда потеряешь покой, жить не захочется без того, чтобы возвращаться снова и снова в эту страну среди гор, Страну Облаков и Туманов, Авалиндэ — назвал её кто-то на древнем и почти позабытом языке Островов. Недаром она восхитила скитальцев бездомных — у них, на утраченной родине, таких не видали чудес, и лишь красота Авалиндэ, зыбкая, нежная, небесная — хоть как-то могла утишить боль потерь...

Все старики и кое-кто из детей собрались в Островерхом доме — самом большом доме Бродяг, который, как говорят, не поднимался в небо уже лет сто. Островерхий дом с великим риском провёл в Авалиндэ последний из островных корабельных мастеров Риммин.

Взрослых было мало — не так легко созвать добытчиков из разных уголков земли.

Вначале была Песня. Её пели и старики и дети на древнем языке Островов. Нимо потом рассказал, о чём в ней пелось.

— Я сам плохо понимаю этот язык. Только самые основные слова. Да и Бродяги тоже... многие поют, зная смысл, переставить правильно слова уже не сумеют. Боюсь... — Он потупился. — Из тех, кого я знаю, хорошо владеет древним языком один Троготт... Правда, и Ниньо успел что-то выучить...

— Нимо... а почему ты именно здесь немного видишь?

— Точно не знаю. Троготт, может, и разгадал бы, но я не хочу ему говорить. Порень думает, дело в свойствах света, отражённого от мириад капелек воды. Или в сочетании этих свойств с высотой. Может, я так сильно полюбил эту долину, запомнил её тогда, в самый первый раз... а сейчас сила этих образов как-то "включает" зрение...

Внезапно все люди в доме встали. Встал и Нимо, потянув меня. Я испугался чего-то. Выступил вперёд Порень.

— Не будем долго говорить. Нашего Нимо вы все знаете. Теперь он привёл к нам своего... друга. Его имя — Альт. Он пока юн и неопытен, но по крови он — истинный алвэ, и слышит голос Воздуха. Мы должны передать ему знания, посвятить его в наши сокровенные планы, ибо он — последний ветряной маг, и других, наверное, не будет, а Дар лебеа им не может быть принят, раз мы так и не сумели найти замену стэнции...

Кажется, я не дышал. Что творится?! Они думают, что я — маг? А я — ничего не знаю, ничего не умею... Нимо! Нимо...

Он сжал мою ладонь и как-то очень озорно улыбнулся. Порень обращался уже ко мне:

— Никто из нас не потребует от тебя ничего такого, чего ты сам не пожелаешь сделать, Альт. Так было всегда — ветряные маги неподвластны воле людей, они — с Небом. Мы можем лишь дать тебе то, чем владеем, и надеяться, что ты распорядишься этим славно. Послушай нас. Мечтаем мы только об одном — вернуться на Острова, если от них остался хотя бы крошечный кусочек суши, пригодный для жизни. К сожалению, даже дивный Нимо не сможет провести остатки кораблей один. Лететь нужно много дней и ночей. Нужно много сил. Но если ты не решишься, мы не упрекнём тебя даже в мыслях. Последний ветряной маг Альт всегда будет нашим другом.

* * *

Брэндли родился через полтора года после Смертной Засухи, когда пропадали родники и ручьи, на Болотах исчезли комары, люди и водяники со страхом провожали глазами раскалённое солнце, тускло-красное от повисшей в воздухе пыли и пепла от пожаров. Тогда ночами было жарче, чем в летние дни других лет. Погибла пшеница, засохли фруктовые деревья, и уже в июне холмы потускнели, а в июле деревья и травы стали сухими и жёлто-серыми. А зной и засуха не думали кончаться.

Чёрный Гнилень на личном Его Величества корабле прибыл в Скальную Столицу для совещаний.

Возвратился недовольным.

— Делами заправляют бездельники и жульё. Они предлагают силами королевства обстряпать свои делишки. Никто не захотел опустошить собственные сундуки с сокровищами, зато каждый знает, что нужно сделать на деньги других.

— Так что же они хотели от тебя, хозяин? — спрашивал распорядитель Дома на Буграх Хребетник.

— А чего они могли хотеть? Думали, я скажу тайное слово, наполнятся русла, закипят родники... Два часа я втолковывал этим безмозглым, что призвать воду можно, когда она есть! Так они захотели — ты поверишь?! — направить солёную воду Океана вспять, в пересохшие русла. Ещё два часа я объяснял им, что станется с их полями после этого... даже если бы я был властен над Океаном — но я не властен... Тогда они решили, что с меня не будет толку, и выпроводили восвояси, только уже не королевском корабле, а предложив добираться, как знаю... Толстосумы, небось, решили, что я тайно торгую водой и наживаюсь на засухе.

— Что же мы будем делать, хозяин?

— Я знаю, что я буду делать. Мне не нужен король с его Советом, теперь и я им не нужен, мы свободны друг от друга, так сказать. Передай Скоре, пусть соберет мою путевую суму, да чтоб не болтал лишнего никто! Я отправлюсь к ведьмам.

Хребетник прижал ладони к щекам, выпучил глаза:

— Их так давно не видели у Болот, хозяин! Как же...

— Это моё дело! — Гнилень потемнел лицом — сам распорядитель его таким не видел... лет полста. Недаром, значит, старейшего Хлюпастого прозвали "Чёрным".

...За границей Болот Гнилень вышел на дорогу. Широкая, торная — и пустая. Обезлюдевшими казались деревни, мужики подались кто куда — добывать пропитание. Охотой — в леса, рыбачить — к морю, разбоем — ближе к городам.

Гнилень семь раз заходил во дворы, пока не нашёл нужное. Хозяйка — изнеможденная голодом и жаждой — ждала смерть. Молодая или старая, не понять, лежала на лавке, еле слышно бормоча. Двое детей — близнецы лет десяти, мальчик и девочка, прятались в углу, таращили на гостя глазищи.

Водяной присел перед умирающей. Положил холодную ладонь ей на лоб. Сознание женщины прояснилось.

— Чего тебе, гость?.. Дети... живы?

— Живы пока.

Она заплакала.

— Заберу их. Согласна ты?

— Всё равно... Дай попрощаться с ними... нет, не надо... пусть

не видят... Отца прибили на их глазах за курицу... не надо.

Гнилень кивнул. Достал флягу.

— На, попей.

Костлявая рука дёрнулась, блеснул огонь в глазах...

— Нет... детям дай!

— Детям хватит. Пей напоследок.

Она пила жадно, как безумная, сотрясаясь всем телом. Фляга опустела. Женщина преобразилась — умиротворение разгладило её лицо, оно стало красивым и молодым; смотрела куда-то вверх. Глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Пусть примет тебя Вода! — проговорил Гнилень. Повернулся к близнецам, достал ещё одну флягу. — Пейте! Это вам.

Они боялись. Очень-очень боялись. Тянули шеи, тоненькие, как у птиц. Жались друг к дружку. Но пить хотелось сильнее. Девочка протянула руку. Гнилень из под бровей-кустов наблюдал. Глоток... борется мучительно... ещё глоток... передала флягу мальчику. У того так тряслись руки, что флягу едва не выронил. Тоже отпил дважды, отдал флягу сестре.

Они пили долго. Гнилень знал, что воды хватит напиться вдоволь, но самим детям фляга казалась совсем маленькой.

— Как хорошо! — прошептал мальчик.

— Останетесь тут одни — умрёте, — сказал Гнилень. Дети вздохнули разом и посмотрели на мать. — Ещё хуже. По деревням сейчас ходят бандиты. Озверели от голода, убивают и жрут всё живое... даже детей.

Водяной не лгал. На королевском Совете говорили и о таких случаях.

Всё шло по задуманному. Дети согласились идти с ним. Гнилень собирался было выходить немедленно — благо, вода из Лунного колодца давала удивительную силу, и близнецы вовсе не казались теперь погибающими птенчиками — версты три отшагают, а там ночной воздух утишит горе...

Но потом решил-таки переночевать в доме. За ночь детишки окончательно поправятся, к ведьмам явятся свежими, надо будет не пожалеть воды, умыть... Лишь бы не хныкали. Гнилень недолюбливал человековских детей — сколько их видел, те вечно были когда злы, когда чрезмерно вертлявы, когда плаксивы, когда смешливы бессмысленно.

Эти, понятное дело, тоже намочили слезами подушку перед тем, как уснуть. Но — тихо-тихо, невнимательный и не заметил бы. Забылись, обнявшись, дышали почти неслышно.

Роскошный подарок, подумал Гнилень. Главное — докончить дело с умом, чтоб не заныли напоследок, не раздумали. Смысл

Дара в том и есть, что они по своей воле отдаются. Хороши, хороши... За таких и просить не придётся, сами ведьмы ещё попросят... Водяной усмехнулся. Всё поглядывал на приоткрытые рты, на прядки волос на лбу — мальчишка вспотел, прядки слиплись. А девчонка пальцами шевелит во сне — забавно.

Может, перебьются? Демоны туманные, если как следует попросить — небось, не откажут и без подарка... А с другой стороны — ну, оставить их здесь, ну, даже в город отвести, в приют сдать — так и что? Там, небось, таких-то своих хватает — все милы, пока спят, а проснутся — есть просят, а кто в такую-то годину приютским хлеба подаст?

А вырастут... Ну, пойдут работать с зари до зари. Отупеют, одрябнут. Вся и разница — звери под кустами детей плодят, а люди в доминах своих плодятся. Плодятся, носятся в суетных заботах да ссорах — и мрут бесследно.

Заберут их ведьмы — может, оно и лучше. Все их мечты, радости, память детская — сохранятся. Перейдут в уголок ведьминского сознания, да и будут там тихо жить. Может, тыщу лет, может, дольше... Говорят, ведьмы порой достают эти кусочки из тайников своих душ, на время превращаясь в тех, кого поглотили...

Что теперь жалеть — кабы поступать иначе, так матери ихней жизнь сохранять. А куда они — без матери? Ясно, к ведьмам. Роскошный дар, даже слишком.

* * *

Тропинка на дне ущелья вела вниз который час пути. Неприметная, между валунов, осыпей, трещин и колючих кустиков хредды. Последние версты Гнилень особенно внимательно приглядывал за близнецами — чтоб не расцарапались, не подвернули ногу, не свалились куда, в конце концов. Приводить их в порядок уже некогда будет — логова Ха близко. Гнилень чуял растворённый в воздухе дымок менки — колдовской травы, которой ведьмы окуривают свои норы.

Несколько раз водяной даже переносил детишек на себе через самые опасные места. Близнецы вели себя на диво ладно — не ныли, не докучали расспросами и болтовнёй. Послушно обхватывали Гниленя за шею, когда приходилось тащить на закорках. И так же честно, как в первый раз, делились друг с дружком водой.

Скверно у Гниленя было на сердце. Щемило оно.

Большая Ха, как обычно, появилась внезапно, бесшумно выступив из клочка тумана.

Гнилень встал, как обычно, попытался смотреть древней ведьме в глаза, как обычно, не смог. Нету у неё глаз, нету. Одна белесая мгла в бездонных провалах.

— Ветра дождевого пришёл просить, чёрт болотный? — усмехнулась она. — Охота была ноги мять, прислал бы птицу, или ручьём подземным...

— Так вернее будет. Я с подарком к тебе...

— С подарком? — Ведьма будто удивилась, махнула взглядом по захолонувшим от страха близнецам. — Твои, что ль? Сам растил, пестовал?

— Кончай уж придуриваться, земля там гибнет, птицы мрут, из колодцев вода ушла.

Ведьма затряслась, захихикала.

— Веди назад бедняжек, не возьму их. И просьбу твою не исполню.

— Чего?! Ты чего, думаешь, я погулять сюда шёл? Что нашло на тебя, ведьма?!

— А не могу я тебе нужный ветер призвать, водяничек. Сил моих на то нету, ясно тебе?

— Такого... я не припомню... — проскрипел Гнилень.

— То-то же. Не моя прихоть — а сидит там у вас в долинах человек — не человек, маг ветряной кличется. Существо из-за моря, чужое. И хочется ему сухих да горячих ветров, чтобы летать побольше. Глупышка он ещё, водяник. Не знал у себя там, на острове посреди океана засух горючих-горьких. Бед людских не знает. Даже и связать не пробует желания свои с тем, что людям они несут. Всё себе летает... А сказать ему некому — люди-то про него не ведают, даже королю о нём ничего не нашептали. Что королю — вон, ты, старый водяник, рот как раскрыл! Я сама хотела мальчишку навестить, да тяжеловата сейчас на подъём, в сушь такую. А тебе как раз — возвращайся, разыщи, вразуми... — Большая Ха опять хихикнула. — Если сумеешь.

Стоит Гнилень, думает. Слишком странно всё. Ведьма ухмыляется вроде — но взгляд пустых глаз изморный, не отпускает. Чего-то ждёт. Водяной близнецов за плечи ухватил и за спину себе спрятал — мало ли.

— А ведь наследника у тебя до сих пор нет. Достойного... — прошептала вдруг Ха. Гнилень вздрогнул. К чему она? Хотел сказать: есть, мол, наследник, а что не в отца, хваткой и силой не вышел — так какое же её, ведьминское, до того дело?

— К чему тебе мои наследники? Поправить хочешь? Разве у ведьм с водяными потомство бывало? — усмехнулся. — Да и не смогу я с тобой сойтись, больно глаза у тебя черны... — Молвил и пожалел. Никогда ещё и никто не осмеливался ведьме, да ещё

Древней, о глазах её так, в лицо сказать.

Но не рассердилась.

— Ты мне по душе, водяник. Мало с кем я дела вести снисходила. Знаю тайну одну, для всех нас важную, но посвящать не буду пока. А вот наследником обзавестись помогу, самая пора... Идите-ка, детки, сюда, идите, не бойтесь... — И сама шагнула, и двумя руками потянула к себе близнецов.

— Стой, ведьма! Не дам их, стой, отпусти!

— Да не шебуршись, дурной, зря малышей напугаешь. Не выпью их. Как лучше всё устрою.

Отпрянул Гнилень, сел на валун обессилено. Взяла Большая Ха девочку за плечи, притянула ближе, глаза в глаза смотрит... Девочка не противится, приоткрыла рот. Долго так стояли. Мальчик от переживания Гниленю руку стиснул — человеку до синяка стало бы.

Девчонка отступила, замигала. Завертела головой растерянно — будто проснулась. Брат кинулся к ней, да ведьма его перехватила...

...-Дала я им столько, сколько могли они принять — чтобы только собою остаться. Думаешь, ведьмы лишь брать умеют? Правильно, которые попроще да поплоше. А мне уже и брать незачем, водяник, то, что накоплено, переполняет, не разорвало бы... Идите, детки, сюда... Опомнились? — Те кивнули. Рука в руке, взглянули друг на друга удивлённо, словно новыми глазами увидели.

— Идите теперь под тот куст, там и травка зазеленела, густая да мягкая. Никто вас не потревожит... А ты, — посмотрела Большая Ха человечьими глазами на водяного. — Ко мне иди, чёрт болотный...

* * *

— А теперь слушай. Подрастут они — уже не много времени ждать — год либо два, не мешай им быть вместе. Появятся у девчонки близнецы... всё хорошо пройдёт, не дёргайся, я позабочусь! Девочка, что родится, моя будет, не пугайся, окажется страшненькой. Мальчишка — водяник будет, настоящий, чистокровный, твоего рода, даже сомнений не держи. Хоть сыном себе считай, хоть внуком, то уже твоя забота. В своё время утешение в нём найдёшь. И этих деток не забывай, нельзя их в человековскую клоаку выгонять, особенные теперь они, хоть чуть-чуть, а всё-таки наши.

* * *

Долго разыскивал Гнилень чужака — загадочного ветряного мага. Те, что при воздушных кораблях состояли — не о них речь у ведьмы шла, водяной сразу вник. Обычные заклинатели, не маги никакие, так, чуть-чуть шаманы, чуть-чуть обманщики. Ясно, прячется где-то народ с легендарных Островов — да больно хорошо прячется! Тщетно потратил два дня старший Хлюпастый на поиски в Скальной столице. Потом только догадался — не в столице надо высматривать. В Городе-на-Холме неведомые маги воздвигли четыре башни полтора века тому назад, как раз после Волны. Для защиты, дескать, воздвигли. Но Гниленю в то верилось с трудом — чудное было в тех башнях колдовство. Непостижимое.

Близнецов — Тони и Тонику — с собой всюду брал. Домой, на Морхлые Болота отсылать одних боялся. Да смех сказать, вовсе страшился хоть на час оставлять, даже и не потому, что поверил ведьме, но сам чуял невероятную связь, дивную, небывалую — словно сделались эти близнецы не то что его родными, а даже собственной его частью, такою важной, в которой смысл всей жизни.

Учил их — грамоте, истории всякие рассказывал, а когда выпадало удобное время (кому признаться — на смех подымут!), играл с ними как дитя малое. С сыном так не забавлялся, помнится.

Девчонка, Тоника, расцветала на глазах. Уже не скажешь, что лет десять ей, за неделю, считай, года два прибавил бы. Красавица такая стала, даже грудки как будто налились — или не замечал сперва... что и не диво, на кой ляд бы ему человечьих девчонок так разглядывать?

А тут — даже волнение в груди, кипит что-то, не поймёшь, нежность ли отцовская, томление ли мужское...

А Тони по-иному изменился. Такой же тоненький и по-детски круглолицый, но в глазах появилось что-то... нездешнее. Не от водяных, нет. Но словно видел он, глазами своими странными иные горы и моря за горизонтом. И держался не по-обычному, не по мальчишечьи — даже если играл либо смеялся, снаружи — забава, а глубоко внутри — какая-то умудрённость тысячелетняя, водяниковому уму непонятная.

Так Чёрный Гнилень — смешно сказать! — бывало взгляда этого робел. И тянулся к нему. Видел в мальчишке для себя недосягаемое, но такое большое, дивное, желанное.

В Городе-на-Холме меньше было примет великой засухи. Лица людей светлее, дети смеялись, бегали, на базарах продавали фрукты-овощи, хоть и мало, и дорого. Даже родники городские жили — малыши плескались у стишковых мостиков, городской

достопримечательности. Наверное, в этих самых родниках и был источник благополучия — крестьяне со всей округи съезжались к ним за водой, на рассвете появлялись вереницы подвод с бочками. Вода в Городе по уставу оставалась бесплатной, но взамен Старший Часовщик обязал торгующих соблюдать цены на привозное — договорились на двойных против всегдашних.

...В то утро ребятня будто с ума посходила — столько топота, визга, смеха неслось с улицы. Даже Гнилень был растерян. Близнецы с любопытством вертели головами, удивлённо переглядывались. Наконец Гнилень не выдержал, остановил важного бородача в алом вышитом жилете.

— Скажите, сударь, что тут сегодня затевается?

Тот, даром что шагал с озабоченным лицом, заулыбался.

— Так Карнавал Августа! Вечером ряженые выйдут на улицу, понесут фонари, представления начнутся. А с утра детишки с летучками прыгают с Майского Звона — он во-он там, видите, пестрит всё? Сводите своих-то обязательно, такое только у нас увидишь!

Ближе и громче музыка. Древний водяник растерянно вертит головой — такого не бывало, он больше себе не хозяин. Пронзительные, вскрикивающие звуки тянут, рвут, вертят, как хотят. Он пойдёт, куда позовут. Яркие рубашки детей — или это флажки? Лица мелькают, как сны в утреннем забытьи. Глаза смеются, тормошат, спешат, волнуются. Сбивчивое, горячее дыхание. Никогда бы не поверил, что куча человековских детей вокруг так околдует...

Тони и Тоника рвутся, будто птички на привязи. Робость и необычность Карнавала заставляют их жаться к водянику. Но музыка и свет в глазах встречных тянут, вот-вот оторвут.

Карнавал ещё не начинался, а на улицах столько удивительного! Вон идёт — не идёт, плывёт! — женщина, а на ней пёстрых одежд столько, что сорви их ветер — разукрасится вся улица. На голове — башня волос, в которые вплетены цветы. А на плечах — большие, красно-синие птицы. Птицы временами выкрикивают что-то странными, хриплыми голосами.

...Едет повозка, а на повозке — гранёный, сверкающий шар из хрусталя, а возле шара сидит старуха и пускает синий дым — изо рта, из ноздрей, из ушей даже. Кольца дыма разлетаются и плывут над улицей, не тают.

...Шагает великан, да не простой великан — гора мускулов, а перед ним семенит карлик с барабаном; с невероятной, чудесной быстротой мелькают ручки-палочки, дробь барабанная околдует, уведёт кого угодно.

...Тоненькая девочка в лиловом трико с блёстками бежит, встав на обруч, кажется, такая лёгкая, что от случайного вздоха её сдует...

И вдруг, как ветром опахнуло — толпа на улице в стороны раздалась, ахнула. Кто-то завизжал, кто-то вскрикнул. Мальчишка позади завопил пронзительно:

— Улька летит, во, психа, во даёт!

Улица поднималась впереди всё круче, и над домами, в сотне шагов от водяника вздымались две башенки, а меж ними, аркой — ажурный, лёгкий мостик. С этого-то мостика и спрыгнул паренёк. Спрыгнув, присел в падении, обеими руками вцепившись в досочку. Да не упал, заскользил над головами, едва не задевая их макушки. Уже пронёсшись дальше вдоль улицы вниз, он выпрямился на подрагивающих ногах, пролетел стоя — и снова присел, чуть не зацепив угол дома, лихо повернул и спрыгнул, и проскакал по мостовой — а под конец всё-таки споткнулся, приложился коленкой.

Толпа ахнула, кто-то кинулся поднимать, но Улька встал сам, пошагал, сияющий и гордый.

Гнилень, почувствовавший, как вздрогнул Тони, когда Улька упал, теперь сам выдохнул облегчённо. Надо ж, как зацепило...

— Во даёт Улька, во бесовка, теперь летучку у неё небось до весны отнимут! — балабонил рядом пацан.

Девчонка, удивился Гнилень. Слыхал он когда-то про эти затеи местной ребятни, слыхал, но своими глазами видел впервые. Хватает за душу, ничего не скажешь — вон, как у близнецов глазищи рассиялись!

И тут — мысль эта дикая, дурная... Нельзя рисковать близнецами, раз Ха сказала, что у них наследник водянику должен появиться. Нельзя... но как удержаться? Быть может, такой подарок искупит зло... Может, не всё искупит, но детишки, наверное, не знают, что мог бы Гнилень спасти их мать. Мог. Они-то не знают...

Ах, не рисковать бы... Но как не рисковать — если всё сбудется, как сказала Ха, то вот-вот утратят близнята детскую лёгкость, и тогда уже небо не для них. Почему так, Гнилень не знал.

Встряхнулся Хлюпастый, расправил плечи, вспомнив о том, кто он есть. Ухватил Тони и Тонику за ладошки.

— Идёмте! — сказал. И зашагали — быстро! — к ратуше.

Старший Часовщик как раз выходил на площадь. Гнилень его помнил. Упрямый старик, подумалось. Как бы ломаться не принялся.

Часовщик Гниленя тоже узнал. Обрадовался.

— Впервые у нас на Карнавале? Очень рады! А кто с вами?

— Это мои... приёмные дети. — Брови Часовщика взлетели: ну и дела! — Господин Старший Часовщик. У меня к вам большая просьба.

Старик насторожился — что-то больно официально. Не таков Хлюпастый...

— Нам нужны... Я хочу купить две эти... доски... на которых прыгают... летучки.

— Да ведь... день Карнавала же. Они все выданы. Их у магистрата в собственности всего пять штук, и не продаются они по закону.

Гнилень открыл было рот — что-то посулить, назвать чудовищную сумму, такую, чтобы Часовщик глаза вытаращил и отказать не смог, пригрозить, в конце концов... и не сказал ничего. Повернулся, увлекая за собой близнецов. Шагал решительно, пытаясь спрятать за этим растерянность. Он, хозяин Болот, глава древнего рода водяных — не знает, что делать. Он вообще не привык просить у людей, и тем более, никогда не делал этого дважды.

— Погодите... Погодите! Да постойте же! — Кто-то нахально дёрнул Гниленя за рукав. Чудной человек, скособоченный, угловатый, словно изломанный. А взгляд прячется, не даётся.

— Вам нужна доска-а... У меня одна-а есть. Одна-а... Но очень хорошая-а...

Что-то отвратительное было в человеке. Гнилень бы отказался. И не просто отказался — отшвырнул бы этого уродца, и в ручье бы поскорее ополоснулся, чтобы забыть.

Но время бежит. Он представил толкотню и сумасшедшие человековские очереди у мостиков. Его детям придётся промучиться там полдня, чтобы один раз попробовать прыгнуть. А ещё — предстоит искать этого ветряного мага!

— Где она есть? Это далеко?

— Сичас-сичас! Одну крошечную секундочку-у! — Человечина мигнул на них круглыми глазами, метнулся в сторону, исчез.

...Залитый солнечным светом луг на южной стороне холма. Далеко позади остались башни и стены, лестницы и мосты, яркие флаги на шпилях и звонкие голоса... Впрочем, голоса ветер порой доносит и сюда, обрывки чьих-то выкриков, а ещё — треск хлопушек, трели дудок, смех. Всё это растворяется в шелесте ветра и птичьем перекличьи — справа прячется овраг с рощей.

Неприятный провожатый крутится тут же — объясняет близнецам, как обращаться с летучкой. Гнилень с огромным

облегчением избавился бы от него.

Тоника пробовала первой — ухватила летучку за петли, подняла над головой, побежала... И Гнилень каким-то чутьём сразу и ясно понял — не получится. Не полетит, не оторвутся ноги от земли. Какая-то тяжесть в её беге... или... не тяжесть — связь с землёю, близость к ней, женственность.

И тут водяник ошибся. Тоника тихонько вскрикнула, поджала ноги — и скользила, скользила на усиливавшемся ветре.

Гнилень елё отвёл взгляд. Увидел Тони — какими отчаянными глазами смотрел тот на сестру. Потом — встретил взгляд человечины-Одоринуса — так он, кажется, представлялся. Одоринус изменился. Глаза пронзительные, тёмные. Усмехнулся краем рта. И водяной как будто уловил его мысль: Тонике помогли...

Тони взял летучку, точно она была бабочкой. Большущей бабочкой, готовой вспорхнуть, рвущейся в небо — и надо было её удержать — и не повредить хрупкие крылья.

Чуть оттолкнулся — заскользила трава. Свалилась одна сандалия, Тони смешно дёрнул ногой. Потом сбросил вторую. Метёлки травы щекочут пятки — Гнилень так отчётливо себе представил. Тони не поднимался высоко, словно щекочущие прикосновения травы были необходимы ему для полёта так же, как ветер.

— Возможно, ваш мальчик сможет летать дольше и лучше, чем другие, — тихо проговорил Одоринус. — Мы учим этому детей в школе ветряных магов, в Лисипке. Подумайте об этом, господин. Но не затягивайте с решением, у него не так много времени, может быть, год. Потом... он перестанет летать, и никто не в силах будет это отменить.

* * *

Задули холодные ветра. Мы ушли в полдень, не взяли с собой ни еды, ни питья. Нимо услышал попутный ветер, схватил куртку, сказал, чтобы я тоже взял.

Мы стояли лицом к Свистящему перевалу. Понятно, Нимо что-то задумал. Ветер подталкивал в спины, солнце горячило плечи. Нимо взял меня за руку и прыгнул вверх. Я не успел сообразить, что он делает. Уступы и трещины замелькали, понеслись вниз, бежать к вершине оказалось так легко, что я с тревогой подумал: что случится за перевалом — ветер нас просто швырнёт в небо! А мы... мы даже не взяли летучки!

Я крепче вцепился Нимо в ладонь. Перевал распахнул под нами чашу Диких лесов — бесконечные восточные склоны. Яркая

зелень и пятна теней от облаков. Я невольно сжался, подогнул ноги, чувствуя, как тяжелею от страха. Обругал себя, но бесполезно. И тут увидел глаза Нимо — он поднырнул под меня и летел лицом вверх. Нимо взял меня за обе руки — и на миг я испугался ещё сильнее, ведь Нимо не видел, куда летит!

Ветер — мои глаза! — Он это прошептал, или я за него подумал, не знаю. Ветер прижал нас друг к другу, нос Нимо ткнулся мне в щёку, и стало смешно. И не страшно. Я вдруг понял, что даже если забудемся и налетим на скалы — мы не разобьёмся. Ветер отшвырнёт нас, как упругие мячики...

— А куда?..

— К ведьмам, — шепнул Нимо в самое ухо. Я вздрогнул и посмотрел Нимо в глаза. Он шутит? Сколько можно меня удивлять?! Кажется, у Нимо это будет получаться бесконечно.

Я и не понял, испугался или нет. Про ведьм я слышал только страшилки-сказки, но никто не видел ведьм взаправду. Никто из тех, кто рассказывал все эти истории.

— Ты знаешь ведьм?

Нимо долго молчал. Было так странно, что глаза его близко-близко. Видит он сейчас меня? В зрачках Нимо ослепительной точкой блестело солнце. В какой-то миг я потерялся в узорах серого и голубого — как будто к искорке-солнцу по синему небу всё летели и летели сизые облака — и падали в чёрную бесконечность зрачка.

И вдруг Нимо мигнул, показал мне язык и... исчез.

— Тебе уже не страшно. — Он всё ещё держал меня за руку, но летел рядом, а подо мною трепетал только ветер.

— Только не бросай меня совсем!

Он мотнул лохматой головой, чему-то улыбнулся.

— Когда-то, очень давно... я знал одну ведьму. Это было в самый первый год после Волны. Она была как будто обыкновенная девчонка. Я... дружил с ней. Что она ведьма, я узнал потом. Когда она... ушла. Мне было очень плохо тогда, в тот год, мы всё потеряли, и наступила первая в моей жизни зима, и я не мог летать... Совсем-совсем не мог, Аль!

Я будто почувствовал холод, поднявшийся из памяти Нимо. Так захотелось его обнять... Даже ветер словно стал холоднее.

— Значит, ведьмы могут быть обыкновенными девчонками?

— Да. На время. Это жутковатые вещи... Троготт мне рассказал... потом. Ведьмы иногда поглощают людей. Но эти люди не исчезают совсем. Они словно живут в памяти ведьм, а иногда случается — выходят наружу, и тогда ведьма становится другой — она полностью превращается в того человека...

Я представил Нимо рядом с жутким существом из сказок,

питавшимся душами людей... Бр-р-р!

— Не бойся, ведьма не проглотит человека, если тот сам не захочет. Обычно ведьмы подбирают отчаявшихся, обездоленных — и дарят им избавление от страданий, и забвение — и долгую-долгую жизнь.

— Это они так говорят? — засомневался я.

— Нет. Я не встречался с ними после того, как... Ивенн ушла. Но я читал записки магов, Охотников, были такие, правда, очень давно и не много. Орден Охотников создал один могущественный колдун этой страны лет пятьсот назад. Ведьма взяла у него внука. Через много лет этот же колдун нашёл ведьму и выяснил, что всё случилось не так, как он думал, потому что мальчик убежал от издевательств отчима, не веря, что кто-нибудь его защитит. Правда, колдун узнал правду поздно — Серебряная Игла, созданное им оружие, убивало перед этим других ведьм, и те расторгли древний договор с королями. Колдун убедился в своей ошибке и распустил Орден, а сам то ли замуровал себя в башне, то ли ушёл куда-то. Но его книга осталась, она до сих пор считается самым достоверным рассказом о природе ведьм, записанным людьми.

Мы опустились на берег маленького лесного озера, почти идеально круглого, с полоской белого песка вдоль воды. Чистое и тёмное, я подумал, оно должно быть бездонным, глаз сказочного лесного великана, которым он смотрит в небо. Наверно, глаз иногда закрывается, когда великан засыпает — а озеро исчезает.

Нимо стоял на берегу, поворачивался то к лесу, то к воде, весь — натянутая струна, я не мог понять, что он делает — слушает, пробует запахи или всё-таки пытается что-то высмотреть, что-то притаившееся в лесной полутьме, в глубине озера.

— Ты видишь?

— Немного. Как через неровно закопчённое стекло. Небо тусклое, деревья почти не различаю, зато вода так светится...

— Мы уже прилетели? Это здесь?

— Да. Это их озеро. Их тут нет, но они чувствуют...

— Ты знаешь?

— Кажется, что знаю. У Ивенн были картины... Она любила придумывать сказки про них. На одной — это озеро. Сейчас понятно, что на самом деле это были не сказки. Может, отголоски знаний ведьм просочились в её память случайно, или Ивенн чувствовала, кто она такая — и хотела таким вот способом передать мне тайны...

Жарко. Пока мы летели, ветер и солнечные ладони играли с нами, и горячий ветер нёс, не обжигая.

— В этом озере можно купаться?

— Наверно... — Нимо присел, потрогал ладонями воду — будто гладил её. Я тоже подошёл к воде — так, чтобы она едва-едва коснулась ног. Закрыл глаза. Жара укачивала, несла куда-то, мгновенные видения проносились, свиваясь вихрями, вспыхивали картинками из калейдоскопа — раскалённая пустыня, океан, густые и мягкие травы, а я бегу сквозь них... Открывать глаза не хотелось — тогда бы видения исчезли. Я снял рубашку, сделал ещё шаг, оказавшись по щиколотку в удивительно тёплой воде. И разделся совсем, чуть стесняясь — но от этого было ещё необычней и приятней.

Казалось, прошло несколько часов. Мы плескались, лежали на песке. Песок без единого камешка, чистый и тонкий, словно просеянный на мелком сите. В конце концов, мне стало неважно — есть на свете ведьмы, или Нимо просто придумал сказку, для интересности.

Придумывать тайны! Я вздохнул, упиваясь счастьем, и снова зажмурился. Нимо сыпал песок, струйки текли, щекотали кожу, я не хотел открывать глаза. А потом солнце вдруг спряталось, опустилась прохлада, и кожа покрылась гусиными пупырышками.

Стало тревожно. Встретил взгляд Нимо — сейчас он всё видит, я знал. Что-то случилось? Нимо прислушивался — к ветру или к чему-то другому, непонятно. (...)

И нужно было скорее вставать, одеваться, к нам двигался кто-то чужой... и ясно, что Нимо это понимает. Меня тут нет, отчаянно подумал я. Я невидимка!

— Нимо... и Альт. Нимо, я тебя так долго не видела. Ты хорошо прятался! От меня, от него... Привет.

Это была, наверное, Ивенн. Я подумал, что она красивая, но дело не в этом...

(...)

— Альт! — Я удивился — как изменился её голос! Как будто... она боится. — А ты прости меня, я очень хотела встретиться с тобою раньше... Но в этих дурацких книжках... — Она снова глянула на Нимо. — В них написано много чего... может, ерунды, но как это проверишь? Там сказано, что вы, ветряные, не должны знать тех, от кого появились на свет... это мешает летать. Но раз уж сам великий Нимо не выдержал...

— Если б ты не сказала...

Ивенн высунула язык.

— Бэ-э-э!.. Мне уже надоело корчить тут с вами умников. Не

забывай, что мне всегда шестнадцать, и я гораздо реже выгадываю часок, чтобы побыть сама собой... да ещё и с людьми. А мы занимаемся ерундой!

— Кто же тебе не даёт? — фыркнул Нимо.

— Никто. Наверное, я просто боюсь сделаться чересчур умной... Как ты, например!

Нимо вскочил. Плеснул в неё водой. Глянул озорными глазами на меня, отбежал к деревьям.

* * *

Замелькали странные дни.

Мы спали на деревьях, кроны у которых были такими густыми, что по ним можно бегать. Иногда забирались в брошенные норы или ложились в густую траву на берегу реки. Ивенн что-то пела комарам, и они не трогали нас.

Мы учились ловить рыбу, смеялись друг над другом, потому что рыбёшки оказывались быстрее нас, потом Ивенн ложилась на дно ручья, пока какая-нибудь любопытная форель не заплывала сама в её руки.

Мы хватали Ивенн за ладони и летели всё выше, пока земля не начинала качаться под нами отражением в капле росы. Рассвет или закат, невозможно угадать, как будут растекаться краски в этот раз, разведённые в облаках. Но самым удивительным оказался восход полной луны, показавшейся над горизонтом на востоке в тот миг, когда солнце коснулось края земли на западе... Мне было больно от радости.

...Пошёл дождь. Он был тёплым сперва, мы долго стояли под деревьями, вдыхая запахи сырого леса, и не заметили, как промокли. Вдруг похолодало. Ивенн побежала в темноту, где деревья смыкались.

Когда мы догнали её, она стояла у провала в холме, пещеры, закрытой корнями. Дождевые струи так стекали по лицу Ивенн, что мне казалось, будто она плачет.

— Он хочет поговорить с вами, — сказала она. — Твой опекун...

* * *

— Не собирался вам мешать, гуляйте хоть сто лет, да и не могу я вам помешать...

— Конечно, не можешь, — сказал Нимо.

— Я тут всё рылся в старых книгах... Ветряной маг Ирис и его друг Тидэй изучали свойства стэнции и лебеа. Тидэй хотел найти заменитель стэнции, на всякий случай. Чтобы помочь ему в опытах, Ирис надолго переставал принимать стэнцию.

Заменитель так и не нашли, но Тидэй написал в заметках, будто Затмение Лебеа преодолимо, если "два мага живут в одном ветре". Точный смысл фразы я не расшифровал, а Тидэй добавлял, что практической пользы в этом мало, потому что и первый, и второй должны быть магами воздуха, но если один из них не примет лебеа — он скоро перестанет быть магом, а если примет — то хотя бы одному из них всё равно необходимо использовать стэнцию.

— Значит, я вижу потому, что со мною Альт?

— Да, Нимо. Это самое правдоподобное объяснение. Я очень надеялся, что наблюдения Тидэя окажутся верными... Жаль, что среди Ветряных было так мало настоящих учёных. Во всяком случае, у вас есть время... не много, может быть, два года, вряд ли больше, пока Альт не подрастёт... Если вам... нам... повезёт, за это время можно попытаться исправить ошибки.

— Какие ошибки, Троготт?

— Во-первых, мои. Когда собирали на корабли самое необходимое, запасы стэнции распределили по всем кораблям. Наши учёные писали, что стэнция очень капризна, и заставить её семена прорасти очень трудно. Семена я разделил на две части, одну оставил у себя, вторую — на корабле, который потерялся в Волне. Мне так и не удалось добиться, чтобы семена взошли, может быть, они переохладились зимой или слишком долго лежали в сухом контейнере — не знаю. Но пока вас двое и вы оба способны летать и видеть — вы можете попытаться сделать то, что Нимо не сумел в одиночку. Что не сумел я. Найти Острова, узнать наверняка, погибли они окончательно или всё-таки нет. Вы можете попытаться найти народ алуски — мне это не под силу. Вы можете попробовать отыскать те корабли, что считаются погибшими. Времени у вас не много — скоро Альту придётся или принять Букет Лебеа — или перестать летать.

* * *

— Ты пробовал раньше?

— Да. И один. И снаряжали корабль. В одиночку я не мог найти это место — то ветер относил меня назад, когда я засыпал, то я терялся в звёздах и не мог понять, насколько приблизился к цели. Первый год после Волны я был слишком слабым, чтобы летать. А потом... потом исчезла Ивенн и начинались эти приступы страха... страха высоты. И в конце концов закончилась стэнция. Корабль посылали дважды. И чем дальше, тем труднее лететь и плыть. Там ветра и течения будто взбесились. Первый раз мы не смогли одолеть даже трёх четвертей пути, я уставал, и ветер меня почти не слушался. Во второй раз с нами был Ниньо и

ещё один взрослый, который пытался говорить с ветром амулетами. По расчетам штурмана мы оказались в том самом месте и ничего не нашли. Но Троготт, когда мы вернулись, сказал, что, возможно, приборы обманули нас. Правда это или нет, разобраться мог только сам Троготт, но ему нельзя надолго уходить в Океан.

— Нельзя?

— Это его тайна. Он не говорил прямо, но я догадался. Он знает, что я это понимаю.

— А водяные? Они не могли позвать алуски?

— Наших магов воды не осталось с нами после Волны. А к тому народу, что живёт здесь, на Болотах, мы не обращались... я не знаю, почему. Я про них даже не знал очень долго. А Троготт, наверно, избегал иметь с ними дело. Про местных водяников Троготт сказал, что они не слышат Океан. Но если это правда, мне кажется, так стало именно после Волны. Тогда многое изменилось... Думаю, Троготт вообще боится ведьм и водяников, боится, что они узнают о нём что-то опасное. Он прячет самые опасные тайны даже от меня, хотя я не очень-то лезу в его дела.

— Получается, у нас очень мало времени, да, Нимо? Пока я не перестану летать... А стэнции не будет... Нимо, значит я смогу стать таким же, как ты, но перестану видеть и... расти...

— Не думай об этом пока, Аль. У тебя ещё есть время. Не приняв лебеа, нельзя повелевать ветром и летать свободно, без тэллио. Но впереди целый год, а может, и больше, ты будешь летать и видеть... Со мной или на летучке. Мы что-нибудь придумаем, Аль! Обязательно! Это раньше у меня не было надежды. Теперь... я буду драться изо всех сил!

* * *

Большая Ха по-настоящему удивилась, обнаружив неподалёку от Нор Гниленя с детьми. Пронзительно пахло дымом. Это был запах тоски и утраты. Запах шёл от подземных ручьёв, которые питали силой Норы, ручьи струились, омывая корни старого водяного, и сама Ха не знала, куда деться от этой отравы.

— Свинья найдёт болото! — зло прошипела ведьма. — Во что тебе хватило мозгов влезть, гнилая колода, я не чуяла такой дряни с тех пор, как три века назад от чумы подохла целая человековская долина! Ты не смог ИХ сберечь?!

— Тоника цела... Посмотри, что с ним случилось...

Ха присела перед закутанным наглухо в плащ мальчиком. Отвела край, содрогнувшись ещё до того, как увидела... Руки задрожали, обхватила костлявыми пальцами голову Тони, притянула, впилась губами в губы...

Тоника закрыла руками лицо.

— Что ты делаешь? Ты его вылечишь?

— Не знаю! — Ведьма отстранилась, положила Тони на землю. — Давай воду, водяник, тащи её откуда хочешь, настоящую, хрустальную, быстро!

Собиралась вокруг мальчика большая капля, а он будто уснул, лежал, и одежда на нём растаяла, а вместо неё тело спеленали серебристые паутинки. Опустилась капля, словно в чашу, на дно пещеры, опустилась — и застыла.

Большая Ха устало опустила руки.

— Не трави себя, дед... — прошептала она. — Ты не виноват. Кто знал... Давным-давно я сама вот так же попалась в ЕГО сети.

— Он обещал, что Тони будет летать! А Тони так хотел... И я решил, что обойдусь... без наследника. Есть же сын, который...

— Знаешь, водяник, самое дурное во всём этом ужасе, что не виноват никто — и виноваты все сразу. Если бы я не плевалась от этого слова, я бы сказала, как любят повторять людишки: "Судьба!" Когда-то давно ОН хотел, чтобы я подарила его народу нового ветряного мага. Теперь же, когда я вложила в этого мальчика искру, которую носила в себе много-много лет — на неё попался ОН же, и решил, что Судьба поднесла ЕМУ подарок — человечка, который способен воспринять их заморскую отраву, чёртову лебеа... воспринять — и выжить.

— О чём ты, Ха?

— Так... Древний клубок тайн... Я растеряна, водяник, понимаешь...

— Тони выживет?

— Он не умрёт. Не умрёт так, чтобы исчезнуть, как исчезают люди.

— Ты! Выпила его?!!

— Не веди себя, как человековский дурак, водяник! Я его сохранила. Он спит. Ты мог бы с ним поговорить, но не думаю, что сейчас от этого будет польза хоть кому-то.

— Что мне делать теперь...

— Делом займись! Не сиди, выдирая остатки волос. И жди... наследника.

— Что?..

— Что слышал. Тоника у меня останется... пока.

— Я... найду эту падаль... этого колдуна... заокеанского...

— Не вздумай. Он, конечно, та ещё тварь... Но никому не будет лучше...

— Думаешь, не придушу его?!

— Думаю, он тебя придушит. И Болота твои высушит и через мелкое сито просеет, так что червяка не останется. Утихомирься,

водяник. Жди. Как я жду. Долго жду...

* * *

С вечера зарядил дождь. Он лил всю ночь, и Брэндли то и дело просыпался, прислушиваясь к хлюпающим звукам воды за окном. В доме Дзынь было тепло и уютно, мерцали угольки в печке, пахло дымом, чуть-чуть — подгоревшим пшеном и жареными грибами с луком. Брэндли вспоминались праздники в старинном замке Хлюпастых — даже не сами праздники, а их приготовления, когда целый день замок жил взбудораженной, радостной суетой — а к вечеру замирал в ожидании. Воцарялся усталый и как бы смутный от перемешанных переживаний покой, хрупкая тишина. Появлялся управившийся с делами Сам, Хозяин. Дед. Обыкновенно хмурый, суровый, в замке его все побаивались. Побаивался и юный водяник, хоть, сколько Брэндли себя помнил, его пальцем не трогали. Брэндли, правда, не отличался проказливостью, однако знал, что отца его, Сидоруса Водохлёба, случалось, вытягивали хворостиной и за вовсе малые провинности, а Брэндли — не трогали. Почему так, водяник не понимал, да и не задумывался особо.

Праздники водяник любил, но был в них один неприятный промежуток, о котором Брэндли и не рассказал бы никому, и сам старался забыть побыстрее и вспоминать пореже. Момент этот наступал, когда всё семейство Хлюпастых выходило во двор, чтобы встретить гостей. Их, гостей, оказывалось не очень много — три-четыре семьи родичей и других водяных из соседних владений, да случались, хоть и редко, человековские гости. И всякий раз в числе приехавших и приплывших были семьи с детьми, и детишки эти, робея и стесняясь, первые минуты, жались к мамам, а мамаши прижимали их к себе, гладили по волосам...

Брэндли знал, как это безумно приятно — когда у тебя есть мама, которая может приласкать. У самого Брэндли мамы никогда не было, во всяком случае, в доме Хлюпастых о ней ни разу не упоминали, а водяник так и не смог заставить себя спросить взрослых. Что-то мешало... Однажды, когда Брэндли заболел, в замок возвратился из отлучки Сам, Гнилень. Болезнь скоро отступила, но ещё несколько дней водяник лежал слабый, дед приходил к нему, брал голову внука на колени и прохладными, жёсткими пальцами гладил, прогоняя хворь. Брэндли млел — ничего приятнее он в жизни не испытывал, и потом, видя как другие мальчишки уворачиваются от материнских ласк, с содроганием обзывал их про себя "дураками".

Обязательно теперь спрошу, пообещал себе водяник, ныряя в

забытье под шум дождя. Даже если умерла — я больше не могу про неё не знать. Наверное, с нею случилось какое-то несчастье — а дед и отец потому и не наказывают меня строго... я читал в книжках, сирот нехорошо обижать. Правда, теперь-то наверняка накажут — за ТАКОЕ! Я сбежал из дома, по-настоящему сбежал. А если будут бить — я тогда снова убегу... Интересно, согласился бы я, чтобы была мама, но и наказывали меня как других мальчиков, розгами или оплеухами? Не знаю... Наверно, моя мама всё равно не позволила бы меня обижать. Наверное, если она умерла, то когда болела, строго-настрого запретила деду и отцу меня наказывать, как других. А теперь... теперь они, конечно, очень сильно рассердились... Нет, отец не очень сильно. Он... он... ему всё равно!

Брэндли задохнулся от внезапной догадки, сел. Отец же меня не любит, подумал он. Я просто не понимал этого. Он никогда не сердился на меня, не наказывал. Он делал всё, чтобы со мной не случилось ничего плохого — но точно так же это мог делать другой. Даже суровый и немножко страшный Гнилень — роднее, интереснее. С ним жизнь казалась тревожнее и ярче. А отец, Сидорус, был равнодушным, бесцветным, ни плохим, ни хорошим, никаким.

Никого у меня нет на свете! Со сладкой болью от жалости к себе водяник скорчился на кровати, обливаясь слезами. Беззвучно. Дождь за окном шумел намного громче, водяник был уверен, что Дзынь не услышит ничего подозрительного.

Вот только он ошибся. Ладошка Дзынь ухватила его локоть, быстро пробежала к плечу. Брэндли замер.

— Это дождь виноват, — прошептала Дзынь. — Такой он сейчас прилетел, грустный. Хочешь, я зажгу свечу?

Водяник хотел отказаться — зачем Дзынь видеть его зарёванным? — но икнул и кивнул. Ладошка ведьмучки сделалась горячей, стёрла мокрые полоски со щёк.

— Покажу тебе кое-что. Совсем особенное. Я оставила это для какого-то такого, важного случая, когда или очень грустно или удивительно радостно. По-моему, сейчас самое время...

— Ты странная, — сказал водяник пока не зажглась свеча. — И храбрая, и сильная — и всё понимаешь.

Ведьмучка промолчала — только дёрнула Брэндли двумя пальцами за нос.

— Смотри, — сказала Дзынь. — Так умеем только мы, ведьмы!

Она подвела водяника к дальней стене кладовки. Справа и слева лежали и висели мешки и мешочки со всякими припасами, пучки трав, стояли пыльные кадки. Дальняя стена была почти

свободной, и кладовка при свете свечи показалась Брэндли слишком большой для крохотного домика Дзынь. Он хотел спросить, это ли имела в виду Дзынь, но не решился.

Ведьмучка сорвала серую холстину, закрывавшую стену.

— Ох...

— Этой картины у меня раньше не было. Кажется, её принесла сюда Ха... как и все остальные... — Дзынь промолчала. — Но я ни в чём не уверена. И... старые картины никогда не показывают людей.

На картине была пещера. Тьму подземелья разгоняли огоньки маленьких светильников. Посреди пещеры бежал ручей — удивительно прозрачный, искрящийся — такой хрустальной, чистой воды даже Брэндли сроду не видел, но было ясно: ручей — настоящий, написан не по фантазии таинственного мастера, а существует — или существовал где-то на самом деле.

На дне ручья спал мальчик. Струи воды омывали его лицо, а Брэндли чудилось, будто не вода, а ветер играет волосами мальчишки, трогает ресницы. Лицо у него было бледное, но водяник понимал, что это не смертельная белизна, а просто кожи мальчика давно не касался солнечный свет.

У ручья лежал большой округлый камень. Приглядевшись, Брэндли сообразил, что валун нарочно обработан так, чтобы на нём было удобно сидеть.

— К нему кто-то приходит, — прошептала Дзынь. — Я ни разу не заставала того, кто появляется у ручья, но иногда знаю наверняка, что каменюка ещё не успела остыть. Один раз даже слышала шаги по гальке. А застать — не могла. Я не знаю, может... она нарочно прячется...

— Она?

— Ага. Я думаю, это женщина. Человековская женщина.

— Она — его мама?!

Ведьмучка пожала плечами.

— Вообще-то, я не очень часто сюда прихожу. Почему-то страшно... И я не знаю, чего боюсь. Что увижу её... или что картина меня утащит. Разбужу его нечаянно, и что тогда случится?

— Значит... всё это есть по правде?

— Наверно.

Они молчали. Какой он удивительный, думал водяник. Светлый. Наверное, мама любит его так сильно, что живёт только им. И не может ему помочь. Разбудить... спасти. Снятся ли ему сны? Может быть, он даже всё слышит? И ручей рассказывает ему о том, что случается в мире...

* * *

Я увидел его на рассвете.

Солнце поднималось между двумя вершинами заросших лесом холмов, склоны внизу укрывал туман, в какой-то миг ослепительно вспыхнувший двумя громадными белыми крыльями. Словно пылающий цветок распустился. Солнце восходило выше и выше, а над распадком появилась и начала расти ещё одна сияющая белая точка. Я замигал изумлённо и повернулся к Нимо — спросить, видит ли он её тоже или от яркого света у меня случился обман зрения.

Нимо улыбался. Щурился. Белый лепесток, отлетевший от солнца, увеличивался с каждой минутой.

— Корабль!

— Ага. "Лунная бабочка". Самый лучший из уцелевших со времен Волны. Давным-давно его нашли далеко на Севере Бродяги. Они подарили его мне, и я летал на нём, и знаю, какой он хороший. Много лет уже им почти не пользовались, потому что я сейчас редко летаю на кораблях. А теперь он будет твой, Аль.

— Мой?! Но я же... я не умею, я ничего не умею!

— Он тебе понравится, правда. Он будет послушным, как будто станет частью тебя. Это случится очень быстро, ты удивишься, как это легко и чудесно! Я знаю, Альт. Ты — очень хороший ветряной маг, я знаю это так же точно, как то, что у меня две руки. Может быть, ты даже лучше меня, а я считался самым лучшим на Островах. Скоро ты сам почувствуешь, Аль...

— А как же... Нимо, но ведь я не принимал Лебеа.

Он обхватил меня за плечи, он дрожал и смеялся, как будто сам только что узнал что-то важное, радостное.

— Не сейчас. Аль, сейчас не нужна тебе никакая Лебеа — ветер ластится к тебе, как щенок, твоя сила, такая ослепительная... Может быть, это из-за Ивенн, может, я разбудил, или мы все вместе — не знаю, но у тебя есть время, Аль, бесконечно много времени — год или даже два... Смотри, Аль, я сам так давно его не видел, смотри, какой он прекрасный!

"Лунная бабочка" падала на нас, белая, словно вспышка самого яркого утреннего сна.

— А кто её ведёт? Ниньо?

— Что ты?! На "Бабочке" сейчас её хранитель, замечательный человек, Ба Цзинь, он не маг, хоть и умеет управляться с ветряными амулетами и очень много знает. Он мудрый и славный... Смотри!

Она огромная, но не страшная. Травинки под нею чуть-чуть

шевелятся, мне кажется "Бабочке" немножко щекотно, от этого она улыбается. Она ничего не весит, она касается травинок, она как рыбка у морского дна, она любопытная, даже смешливая. Она как-то смотрит на меня, тихо дышит — совсем не устала после полёта. Её нос — нос любопытного котёнка — стоит мне отвести глаза, он легонько ткнётся в плечо — и быстро отодвинется... А если протянуть руку — она замрёт, напружится, и что-то звонко щёлкнет внутри — как будто чихнёт забавно.

Людей не видно. С борта до самой земли тихо перекинулся трап. Нимо присел передо мной, тронул пальцами ремешок сандалий...

— Сними, — улыбнулся. — Иди босиком.

Доски тёплые и будто звенят под кожей. Кажется, будто моя кровь течёт по жилкам живого дерева, а его сок бежит ко мне, аромат заморской смолы впитывается в кожу, я даже понюхал свой локоть — он уже пахнет странной, чужой и дикой травой, горячей от солнца.

Ба Цзинь смеется беззвучно откуда-то издали. Не подходит — наверно, не хочет мешать. Тишина, только ветер. Я стою так высоко — и всё равно ко мне одинаково близок и ветер — он же — небо — и трава, которая шелково колышется подо мной, гладит, щекочет, играется. Я тоже смеюсь, раскидываю руки широко, как могу, и даже растопыриваю пальцы, щупаю — всё-всё-всё! Ветер струится, гудит. Горячо. Холодно. Тепло и упруго — вот так совсем хорошо! Солнце вдруг скакнуло вперёд и сверкнуло в глаза пронзительно, но не больно — "поиграй и со мной!" Я смеюсь и пытаюсь свистеть что-то — никогда не умел свистеть песни, но, наверное, что-то выходит, потому что корабль вокруг отзывается и дрожит...

— Аль-ка! — обнимает меня Нимо — весёлый, горячий, тоже звонкий. — Не надо так быстро пока!

И я понимаю, что лечу. Летит мой корабль, моя "Бабочка"!

* * *

Мне снилось море.

Бесконечное. Я лечу над ним, лечу, наверное, тысячу лет. Мне не скучно. Я знаю, что у моря не было начала и не будет конца. Над морем нет даже птиц. Только дует ветер, и бегут волны — так же бесконечно. Море никогда не кончится. Никогда. А я буду лететь над ним вечно. Всегда.

* * *

А потом сон закончился. Началась тревога. Она неслась отовсюду и была как музыка. По морю шли кипучие валы. Ревело

небо. Проблескивали молнии.

Я думал, что упаду. Это было не страшно. Просто вечность кончалась, и начиналось что-то другое. И я ждал.

* * *

Я снова уснул, потому что ждал. Мне снился горячий и твёрдый берег. Или скала. Я сидел на ней, а внизу море и небо перемешались, и если бы я был человеком, то решил бы, что они убьют друг друга. На самом деле, они не могли причинить друг другу вреда.

Да хватит уже! Хотелось закричать. Давайте снова бесконечность и горячий свет. И лететь!

И скала подо мной заревела грохотом, и мир задрожал. Блеснул огонь — выплеснулся из меня и тёк такой страшной рекой, что я сжимался и разрывался от боли, и смеялся от счастья.

* * *

И снова кончился сон. Наступил новый покой. Горячий ветер обсушил мои волосы, а ладони стали мокрыми от брызг. Маленькие ветерки носились вокруг, сбивая гребешки волн и бросаясь ими в меня. Такого раньше никогда не было — в прошлой вечности. И я открыл глаза и понял, что лечу не один. Подо мною, заслоняя полмира, летел чёрно-золотой дракон. Почувствовав моё узнавание, он чуть-чуть вздрогнул.

Теперь всё будет хорошо, сказал он. Всегда.

* * *

Я очнулся в горячей спальне от ледяного сквозняка. Кто-то высокий, в чудной шляпе, надвинутой на глаза, сидел рядом. За окном ветер резко сорвал облака, и сверкнула луна, отразившись в зрачке человека. Зашумели птицы, огромной стаей пронеслись над домом. Шелест крыльев затопил шепот человека, но я разобрал:

— Не бойся, Альт, я ничего тебе не сделал. Чуть-чуть приоткрыл для тебя Кристалл. Чтобы ты увидел… А сейчас — ухожу. Не бойся меня, Альт! Ничего не бойся!

Я закрыл глаза. Страх уходил, правда. Когда я снова очнулся, в комнатке было тихо и уютно. Потрескивала печка у дальней стены. Я понял, что наступила зима.

Нимо, прошептал я. Сел, нащупал пальцами гладкие доски пола. Тихо прошёл в дверной проём.

Он стоял у полки с книгами. Непривычно сутулился. Мокрые щёки, губы какие-то… не его. И пальцы… холодные. Нимо…

Я схватил его. Нимо!

— Снова зима... Аль... Что я наделал!

— Нимо, ты самый чудесный! Если б ты только знал... Я сам это всё решил... решился... что бы ни было... И мы победим.

— Я бы всё равно не решился... сейчас. Ещё тянул бы... пока только можно... Может быть, опоздал бы...

— Мы всё правильно сделали. Сейчас мы не долетим в Страну Цветов, а весной для меня может быть уже поздно. Бродяги уверены, что это те самые цветы, они же не обманут, да?!

— Они знают их только по книжкам, Аль... И даже если так... всего два цветочка... Так мало!

Я вздохнул. Захотелось ветра, хотя бы такого, с зимы.

— Давай выйдем, там сейчас луна.

...Ночь оказалась не очень холодной. Быстро неслись облака, и я вспомнил самые тревожные мгновения сна. Горы вдали внезапно придвинулись, я вскрикнул, вцепился Нимо в плечо.

— Аль!

— Мне страшно! Я падаю...

— Алька, держи меня крепко, ничего... Сейчас доведу до кровати... Это скоро пройдёт... Я знаю...

— Холодно... Я так испугался высоты! Что-то получилось неправильно, я не смогу летать?!

— Нет, это пройдёт. Уже к утру. Это было... и со мной. Так же. Ветер тебя растревожил, ничего.

— Огонь!

— Что?!..

— Огонь! Он то ослепляет, то гаснет! Я не вижу...

— Это пройдёт к утру, Аль... Прости... что я наделал... Позвать Троготта? Он даст какую-то травяную дрянь, но она успокаивает и...

— Нет, не хочу, чтобы Троготт... Посидишь со мной?

Небо грохнуло. Разорвалось огнями салюта...

— Что это?!

— Ох... В городе какой-то праздник... А! День... или, вернее, Ночь Первого Снега...

Я улыбнулся. Стало хорошо и грустно.

— Уже ничего. А я и забыл совсем. Завтра все побегут кататься на санках.

— Это точно. Воплей будет!

— Мы пойдём?

— Ага! Я сто лет не катился кубарем по снегу!

— И будем швыряться снежками! И построим крепость!

— Непобедимую цитадель. Ты, я и ветер.

© Copyright Петренко Сергей Семёнович (Alfare44@mail.ru)